

[8 апреля 1925 г. - имперская столица Берун - центральный штаб имперской армии]

Бригадный генерал Ганс фон Зеттур сидел один в своем кабинете и размышлял о состоянии Империи.

Их великая победа над Легадонской Антантой была омрачена успешным побегом национального флота, что проскользнул мимо блокады Имперского флота и быстро присоединился к республике Франсуа. В сочетании с изгнанием двух советников, одного во Франсуа, а другого на Альбион, у самых ярых националистов Антанты было много причин сопротивляться оккупации их страны Империей. Правительство в изгнании призывало «всех верных граждан Отечества дать отпор имперскому гнету», как будто не их нация первой развязала войну, терзающую теперь Европу.

К счастью, до сих пор не было никаких серьезных инцидентов, но годы, потраченные правительством Легадонии на патриотическую риторику для сокрытия собственной некомпетентности, оставили след в умах людей. Было бы намного лучше, если бы флот выполнил свою единственную действительно важную работу с самого начала Великой войны. Зеттур знал, что был слишком суров к ним: следить за всем морем было практически невозможно, а флот Легадонии был гораздо опытнее имперского из-за географического положения самих стран.

Западный фронт превратился в кровавое месиво с момента внезапной атаки Республики, и по мере того, как конфликт затягивался, дела становились только хуже. Тысячи и тысячи имперских солдат погибли, десятки воздушных магов были брошены в мясорубку в отчаянной попытке выиграть время. Разобравшись, наконец, с Антантой, Империя могла теперь сосредоточить большую часть своих сил на старом сопернике, Республике Франсуа, наконец, остановив продвижение их армии и заставив отступить.

Теперь уже Империя перешла в атаку, вытеснив войска Республики со своих земель и продолжая захват все новых территорий, хотя и ценой чудовищных потерь в живой силе и технике. К сожалению, Республика теперь пользовалась преимуществами более коротких линий снабжения, а это означало, что стоимость каждого метра земли выросла до еще более омерзительных высот.

За последние несколько месяцев было несколько резких предложений проигнорировать рекомендации майора и приказать Дивизии Y развернуть Проект К на Рейнском фронте. Зеттур немедленно отказал им. Если Таня Дегуршафф считала что-то слишком опасным, значит, это было слишком опасно. Он видел бланки запросов из ее Подразделения: девочка (а ведь она все еще была просто девочкой, да поможет им Бог, ей же было всего одиннадцать лет) брезгливой не была, это уж точно. Прочитав для себя протоколы допросов пленных дакийских солдат, сумевших пережить уничтожение плохо подготовленной армии их нации, бригадный генерал содрогнулся при мысли о повторении подобного кошмара где угодно, и уж точно не в такой близости от имперских солдат.

К счастью, майор быстро предложила альтернативу. Старый друг Зеттура, Рудерсдорф, был очень впечатлен ее стратегическими навыками во время их совместной работы на Северном фронте. Под ее руководством Подразделение Y не только предоставило Империи Вундерваффе, превзойдя все, кроме самых безумных ожиданий, которые кто-либо возлагал на секретную группу, но и сама Дегуршафф также позаботилась о том, чтобы внимательно изучить возможное тактическое применение для каждого из Проектов.

Зеттур все еще размышлял о том, какой сдвиг парадигмы будет представлять собой «Проект U»

в долгосрочной перспективе — воздушные маги, которых нельзя обнаружить с помощью обычных магических радаров и которые могут сражаться в ближнем бою с абсолютно разрушительным эффектом? Одно только это стоило всех денег и рабочей силы, вложенных в Подразделение Y и даже больше.

На самом деле Подразделение Y в целом было непостижимо выгодным вложением для Империи, создавая оружие такой потрясающей силы и эффективности, что любые затраты на него были, по большому счету, простой ошибкой округления общего оперативного бюджета Имперской Армии. В отличие от Elenium Arms, которые потратили гораздо больше ресурсов в погоне за технологией многоядерных сфер только для того, чтобы эта растрата закончилась катастрофой. Почти вся испытательная лаборатория армейского авиационного корпуса Круско, как оборудование, так и персонал, была потеряна в катастрофическом взрыве последнего испытания Тип-95.

По словам выживших, доктор Шугель, глава проекта, пришел в ярость, когда его начальство решило сократить его финансирование из-за того, что никому не удалось заставить его четырехъядерную вычислительную сферу работать, и настоял на финальном тесте, в ходе которого он по неизвестным причинам отключил большинство средств безопасности на устройстве. Возникший в результате взрыв был виден даже из Беруна, и потребовалось немало усилий, чтобы убедить население в том, что волноваться не о чем, и это был просто... какое там оправдание они использовали? Зеттур не мог вспомнить. Что-то в неисправном артиллерийском снаряде, с намеком на то, что источник вспышки был гораздо ближе, чем на самом деле? Особого значения это не имело.

Шугель, по-видимому, был настолько уверен, что на этот раз все сработает, что стоял прямо в эпицентре, а это означало, что не осталось даже клочка его тела, который можно было бы опознать. Подобное можно было даже не сравнивать со строгими протоколами безопасности, на которых настаивала майор Дегуршафф для всех исследователей Подразделения Y. Он надеялся, что ей удастся извлечь хоть какую-то пользу из исследовательских заметок и прототипов Элениума, которые Зеттур отправил в замок Шварцштайн. Он знал, что Подразделение Y и раньше работало с технологиями сфер, ведь весь их невероятный успех был связан с собранной ими из сфер Мыслящей машиной, которая и прорабатывала теории Дегуршафф. Он даже рассматривал возможность передачи Подразделению бюджета лабораторий Элениума, но большая часть денег была быстро перераспределена на другие проекты. Впрочем, остатки по-прежнему представляли значительную сумму.

То, насколько вся нация полагалась на Дегуршафф, было просто позорно. В их распоряжении вся мощь Империи, и им все еще приходилось просить о помощи в войне одиннадцатилетнюю девочку и организацию, которую она умудрилась построить из объедков и отбросов. Конечно, Зеттур никогда не стал бы обесценивать мастерство, храбрость и самопожертвование солдат, сражавшихся на передовой: если проблема и была, то она висела исключительно на плечах Центрального штаба.

И теперь они вновь собрались просить ее о помощи. На его столе в окружении других документов лежала последняя телеграмма, полученная им из замка Шварцштайн. Это был ответ майора Дегуршафф на его просьбу о помощи Подразделения Y на Западе. Как и большинство сообщений Дегуршафф, оно было кратким и по существу. Она сообщала ему, что лично направляется на Рейн в сопровождении большинства экземпляров Проекта U и всех экземпляров Проекта W — хотя последних было относительно немного, и просит его разрешения на их применение.

Проект W... Зеттур вспомнил прочитанные спецификации для этой конкретной ветви работы

Подразделения Y. Как человек в Центральном командовании, ответственный за дивизию, он регулярно информировался о каждом из текущих проектов. Документы принес солдат с мрачным лицом, который проконтролировал их сожжение, как только бригадный генерал закончил читать, но его память была как всегда острой, и он ясно помнил содержание. Он был уверен, что Проект W наверняка пригодится на грязных, кровавых полях сражений Рейна.

Сидя на стуле, Ганс фон Зеттур горько улыбнулся и, подписав разрешительные документы для отправки обратно в замок Шварцштайн, прошептал молитву за солдат-франсуа, что вот-вот должны были встретиться с творениями Дивизии Y.

Да смилуется Господь над их душами, ибо Неживые и Werwölfe*(Оборотни) уж точно никого не пощадят.

[15 апреля 1925 г. — Рейнский фронт.]

Лейтенант Шваркопф не мог поверить своим глазам, глядя на женщину, стоявшую рядом с майором фон Дегуршафф. Сначала он подумал, что его единственный оставшийся глаз играет с ним злые шутки при плохом освещении траншей в ночное время, но нет, ошибки не было.

Он видел, как она погибла. Это было милосердно быстро по меркам этой ужасной войны: снайперская пуля попала в сердце за мгновение невнимательности, и новобранец-маг была мертва еще до того, как упала в грязь. Даже такой ужасный ветеран, как он сам, почувствовал укол горя из-за смерти столь юной девушки, а также горечь из-за расточительности всего этого. Он знал, что ее призвали из-за ее высоких магических способностей, но какой смысл в обязательном призыве мага, если их убивают вот так? В таком случае было бы лучше остановить призыв и потратить ресурсы на надлежащую подготовку добровольцев вместо того, чтобы тратить их впустую на обучение отправляемых на верную смерть призывников.

Конечно, он не озвучивал свои мысли вслух, ибо боевой дух среди его людей и так был на самом дне, несмотря на все их попытки сохранять улыбки на лицах. Вместо этого он лично составил свидетельство о смерти Серебряковой и отправил ее тело домой, думая, что по крайней мере ее семье будет что похоронить, что, к сожалению, было редкостью для солдат, павших на Рейне.

И все же, вот она, стояла перед ним в униформе, которую он никогда раньше не видел, с легкой улыбкой на лице, подтверждающей, что его она тоже узнала.

«Что-то не так, Виша?» — спросила миниатюрная майор (Шваркопфу пришлось перепроверить ее знаки отличия, прежде чем он смог поверить увиденному), стоявшая рядом с воскресшим новобранцем во главе множества утрашающих солдат, только что прибывших на передовую оперативную базу, где базировались маги Шваркопфа.

«Ничего, майор», — ответила Серебрякова. — «Я служила вместе с лейтенантом Шваркопфом до того, как меня перевели в Подразделение Y, вот и все».

«А, понятно. Уверен, у вас есть вопросы, лейтенант, но боюсь, что ответы засекречены».

«Я... я понимаю». — Он совершенно точно не понимал, но также не хотел раздражать тех, кто очевидно был связан с чудо-оружием, сокрушившим Дакию и Легадонию, даже если часть его серьезно злилась, что Рейн получил поддержку Вундерваффе только сейчас. — «Мне сказали, что вы собираетесь возглавить ночную атаку на вражеские окопы?»

«Правильно. Эти славные джентльмены проложат нам путь, но сами по себе они вряд ли смогут удержаться. Мы будем рассчитывать на вас и ваших людей в занятии и удержании линии укреплений после того, как выведем оттуда солдат Франсуа».

Шваркопф с трудом мог себе представить, как такое небольшое количество людей могло добиться подобного, но он слышал истории о том, что происходило в зонах военных действий, где были задействованы Вундерваффе.

«Каким будет сигнал для нашего наступления?»

Майор улыбнулась, и лейтенант почувствовал, как по его спине пробежали мурашки.

«О, поверьте мне, лейтенант Шваркопф. Вы поймете, когда услышите».

Грязь. Дождь. Кровь. Боль.

Он лежит на земле, его тело разорвано осколками. Его нога - где его нога? Он хочет спросить, но не может говорить. Его нижняя челюсть исчезла: он видит жемчужно-белые зубы, медленно погружающиеся в грязь, куда они упали. Он должен взять ее, должен поставить ее на место, но он не может.

Руки тянутся к нему, вытаскивают его из грязи, несут обратно в безопасное место, к исцелению, которое никогда не сможет исправить нанесенный вред. В этот момент он одновременно любит и ненавидит мужчин, несущих его, рискуя при этом своими жизнями. Почему, ну почему они не могли просто оставить его умирать?

Он жив. Живой, но искалеченный, он никогда не поправится, никогда станет чем-то большим, чем очередной тратой истощенных ресурсов Империи. Наркотики, циркулирующие в его крови, — единственное, что не дает ему корчиться в агонии, но даже несмотря на туман, который они накладывают на его разум, вопрос все еще доминирует в его мыслях. Почему? Зачем вообще жить в таком состоянии?

Холодные голубые глаза смотрят на него со слишком юного лица. В отличие от всех остальных, в них нет жалости, только вдумчивое любопытство.

«У тебя есть выбор», — говорит она ему, и ее слова прорезают туман, вызванный наркотиками. — «Ты можешь либо умереть настолько безболезненно, насколько мы можем обеспечить, либо пойти на еще большую боль за шанс еще раз послужить Отечеству».

Как? Как такой человек, как он, может быть полезен? Разве он уже недостаточно отдал?

«Конечно», — продолжает она, — «я не ожидаю, что ты будешь работать даром. Если решишь служить и выживешь, я рассчитываю на полное выздоровление. Да, включая восстановление потерянных частей тела».

Она улыбается. Это улыбка Дьявола, предлагающая ему заветное желание в обмен на душу.

«Так что ты скажешь?»

Что это за выбор? Конечно же, он согласен. Даже проблеск надежды — это большее, чем он когда-либо мог рассчитывать.

Дни, недели подготовки следуют за этим, и все смешивается вместе. Сложные узоры рисуются на остатках его плоти, тщательно обводя шрамы, покрывающие большую ее часть. А потом при свете полной луны происходит это. Он мало что видит, слишком занят попытками не кричать: ему перестали давать обезболивающие и промыли его организм, чтобы его разум был ясным, и агонию невозможно передать словами.

Впереди еще больше боли, как она и обещала. Обряд Единения очищает то, что осталось от его тела, но теперь он уже привык страдать. С давлением на его разум справиться тяжелее, но мысль об исцелении заставляет его терпеть.

Он смотрит за пределы мира, видит проблеск вещей, которые он отныне всегда будет безуспешно пытаться вспомнить, испытывая смутное облегчение от этого. В бесконечной тьме что-то замечает его присутствие. Оно смотрит на него — осуждая, оценивая — и видимо одобряя.

Он один, потом их двое, а потом снова один, но уже не такой, как прежде.

Он открывает глаза и дышит, а потом понимает, что его нижняя челюсть вернулась. Он смотрит вниз и видит, что его недостающая нога тоже на месте. Голубоглазая девушка тоже там, одобрительно смотря на него сверху вниз.

«Итак, ты справился. Поздравляю. Как ты себя чувствуешь, Уоррен Гранц?»

«Гранц?»

«Грантц!»

Гранц рефлекторно вытянулся, когда голос майора вырвал его из воспоминаний, вызванных видом рейнского фронта. Глава Подразделения Y хмуро посмотрела на него, и, несмотря на превосходство в росте над ней, Гранц в этот момент почувствовал себя очень, очень маленьким. К счастью, она, должно быть, увидела желаемое, потому что одобрительно кивнула.

«Я знаю, что возвращаться сюда неприятно», — сказала она ему. — «Но тебе нужно бороться со своей травмой, чтобы преодолеть ее. И в конце концов, на этот раз все будет по-другому, не так ли?»

Он кивнул. Наверняка будет, он был в этом уверен. — «Да, майор!»

«Хорошо. Теперь слушайте все! Наши товарищи из Западной армии сражались в этом аду уже несколько месяцев. Настало время внести свой вклад, чтобы положить конец этому кошмару. Вы все знаете свои приказы, так что я не стану тратить время на их повторение. Проект U, выдвигайтесь!»

Неживые молча поднялись в воздух, и только Серебрякова осталась на земле для защиты майора. Их позиции должны были быть защищены от республиканских бомбардировок, но, как слишком хорошо знал Гранц, безопасность на Рейне была просто иллюзией.

Он действительно скучал по способности летать своими силами, которой он наслаждался, будучи воздушным магом. Обряд Единения подорвал его запасы маны, и он едва мог использовать большинство заклинаний даже с помощью вычислительной сферы.

Исследователи думали, что эта жертва повысила его шансы пережить процесс, хотя у них и не было достаточно данных для полной уверенности. По правде говоря, Гранцу было все равно. Летать было приятно, но возможность снова ходить на своих двух ногах стоила любых затрат, даже без всех остальных преимуществ, которые он получил.

И вот теперь, под командованием майора, пришло время использовать эти дары в защиту Отечества.

«Моими полномочиями директора Подразделения Y и с разрешения штаба Имперской Армии я объявляю официальное начало первого полевого развертывания проекта «Оборотень». — Ее торжественный взгляд пробежался по ним, и она указала в сторону вражеских окопов. — «Идите, охотьтесь, убивайте».

Гранц закрыл глаза и призвал ту часть себя, которой не существовало, когда он был еще полностью человеком, но которая стала его неотъемлемой частью после становления оборотнем (или, как он слышал, некоторые исследователи дали им и другое название, основанное на официальном названии Обряда Единения - Тагер).

Он услышал потрясенные вздохи лейтенанта и его людей, когда они увидели трансформацию. Несмотря на название проекта, Гранц знал, что они ни капли не походили на волков, как и сама трансформация не походила на описанную в художественной литературе. Их тела не росли и не меняли форму: вместо этого новая плоть материализовалась вокруг них из воздуха, казалось, покрывая их подобно доспехам, с тем отличием, что в конце трансформации (процесса, что занимал лишь пару секунд), под новой плотью уже не было человека. Даже с их регенерацией испытания были болезненными, и майор позаботилась о том, чтобы вызвавшиеся проверить были вознаграждены двойным пайком на целую неделю.

Каждый оборотень был более двух метров в высоту, и обычным людям было почти невозможно отличить их друг от друга (хотя майор, казалось, всегда могла). Их тела были покрыты панцирем телесного цвета, а их толстые шеи выглядели как обнаженные мышцы, но гораздо, гораздо более устойчивые. Их руки теперь вместо пальцев украшали четыре пугающих когтя, способных рвать металл. Что касается их голов, то они были картиной из кошмарных снов: четыре полностью белых глаза даровали им непревзойденное восприятие окружающего, во лбу у них красовалась сфера, которая, по восприятию магов, буквально лучилась энергией. Их рот представлял собой нечто насекомоподобное, отдаленно напоминающее клюв, если не присматриваться слишком близко и слишком долго.

Они были чудовищами, Гранц это понимал, даже если это не вызывало у него паники. По словам майора, в Обряд Единения входила дополнительная составляющая - ментальная связь. Она была причиной, по которой ни один из оборотней не сходил с ума из-за своих изменений, по которой они могли использовать свои трансформированные тела и сверхъестественные способности без необходимости заново учиться управлению телом, настолько отличающимся от их собственного. По этой же причине Гранцу не нужно было заново учиться использовать свое человеческое тело после того, как он отрастил потерянную конечность и вернул мышечную массу, потерянную во время истощения.

Он мог чувствовать других в своем сознании, ментальную связь, что связывала их вместе, как стаю. Все они, как и Гранц, были готовы и рвались в бой. Это было еще одно изменение: раньше он боялся боя, даже если храбрился ради своего долга перед Империей. Теперь же он чувствовал только восторг. Он беспокоился о возможных последствиях этого, но майор заверила его, что такое отношение ничем не отличало его от многих одержимых войной маньяков из Имперской Армии, и до сих пор она не видела ничего, что могло бы помешать ему

и остальным жить в гражданском обществе (в отличие от Неживых и большинства других экспериментов Подразделения Y).

Завершив трансформацию, стая перемахнула через баррикады и помчалась по ничейной земле. Ночная тьма не была для них помехой: их глаза видели, как при ярком дневном свете, с ясностью, далеко превосходившей человеческое зрение. Они двигались быстро, намного быстрее, чем любой солдат-человек мог двигаться по разоренной земле.

Первые крики раздались, когда Неживые обрушились на вражеские позиции, застигнув врага врасплох. Пулеметные позиции были разорваны в клочья для гарантии, что единственное оружие, которое могло бы серьезно ранить суперсолдат, было выведено из строя. Неживые двигались с осторожной экономией движений, не используя всю нечеловеческую силу, на которую, как знал Гранц, они были способны: против чисто человеческих противников, не являющихся магами, им не было нужды тратить кровь. Его уши уловили громкие приказы, когда защитники начали реагировать на внезапный штурм. Они могли быть чужеземцами и захватчиками, но люди в этих окопах выжили на Рейне: они все до одного были ветеранами и реагировали быстро.

А затем атака Оборотней обрушилась на республиканские окопы, и началась настоящая бойня.

[19 апреля 1925 г. — Штаб военного фронта Франсуа Рейна]

Высшее командование республиканской армии встретилось в мрачном настроении.

За последние три дня Империя продвинулась почти так же далеко, как за все последние три месяца. Учитывая непрекращающиеся траншейные бои, часто за несколько десятков метров земли, это не было столь катастрофическим, как могло бы показаться, но все же становилось весьма тревожной тенденцией. И территориальные потери были ничто по сравнению с жертвами и моральным ущербом, которые их сопровождали. Подразделение Y, загадочная ветвь имперской военной машины, ответственная за полное уничтожение дакийской армии и падение Легадонской Антанты, чье имя Республика знала только благодаря секретным донесениям из Союзного Королевства, пришла на Рейн и задействовала в боях свою гнусную чертовщину.

Закат стал предвестником ужаса для обитавших в окопах войск Франсуа. Таинственные охотники, что так бескомпромиссно разгромили корпус воздушных магов на севере, были задействованы и на Рейнском фронте, и казалось, ничто не могло их остановить. Даже рота элитных магов, собранная специально для уничтожения известных магов Империи (и делавшая это с похвальным успехом в течение вот уже нескольких месяцев), была уничтожена, не совершив взамен ни одного убийства.

Единственное, чего добились Республика, так это получения описаний тех, кто раньше был совершенно незримым врагом, хотя слухи о безликих охотниках в масках, которые теперь циркулировали в результате, стали только еще одним ударом по моральному духу. В ответ они стали отводить всех своих магов с линии фронта по ночам, переводя их на хорошо защищенные позиции глубоко в тылу. Это значительно увеличило время их реакции на вражеские нападения (Империя не теряла времени зря, когда поняла план Республики), но альтернативой было множество мертвых магов и никаких достижений.

Споры о том, почему Империя использовала такое невероятное оружие, как воздушные маги-невидимки, только ночью, все еще бушевали, с теориями, варьирующимися от относительно

правдоподобных (новые заклинания работали хуже на солнечном свете) до совершенно фантастических (Империя заключила сделку с древним вампиром, обратившим их магов в обмен на кровь девственниц, хотя это была выдумка явно переутомленного аналитика, безуспешно пытавшегося поднять настроение). Но не ночные охотники на магов были причиной этой встречи. Нет, эта сомнительная честь принадлежала другому кошмару, который Империя обрушила на доблестных защитников Республики. С момента своего первого развертывания все, на что верховному командованию приходилось полагаться в расследовании, были ужасающие истории травмированных солдат, которым удалось вырваться из окопов, рассказы о нечеловеческих монстрах, которые разрывали броню и отмахивались от пуль, как от капель дождя. Однако теперь у них хотя бы была надлежащая информация для изучения.

По счастливой случайности один из магов, погибших во время первого имперского прорыва, уронил свою вычислительную сферу, лишь слегка треснувшую в результате, и сообразительный солдат успел подобрать ее, спасаясь от бойни. Сфера содержала запись имперской атаки, хотя из-за ее состояния потребовалось несколько дней интенсивной работы для извлечения содержащейся внутри информации. Учитывая, насколько бледными были техники, передавшие им запись, никто из присутствующих офицеров не желал смотреть ее сам, но это было меньшее из того, что они задолжали храбрым людям, погибшим в результате последнего имперского зверства.

Проектор ожил, и начала проигрываться запись. Она была сильно обрезана и отредактирована, потому что большая часть исходного материала оказалась бесполезной. Но несколько оставшихся сцен все еще были познавательны, если не сказать больше.

Чудовища. Это было единственное слово, способное описать ужасы, что перешли ничейную землю и атаковали траншею, где находился хозяин сферы. Увидев их на экране, офицеры не могли обвинить умершего мага в игнорировании протоколов безопасности и активации сферы вместо того, чтобы поддержания секретности, чтобы избежать обнаружения магическими радарными Империи. В действительности, сам факт, что у него хватило духа активировать функцию записи своего шара, был достоин похвалы.

Монстры прорвались через траншею, полностью игнорируя паническую стрельбу защитников. Из их верхних конечностей выросли длинные лезвия, которые резали человеческую плоть и кости, как нож масло.

Сцена изменилась на изображение танка, остановившегося на месте, когда один из монстров врезался в него. Его когти разорвали металлическую обшивку, а затем в перепуганную команду.

Другой маг запустил магическую атаку по одной из тварей, поднявшись в воздух вне их досягаемости. Выброс энергии сорвался со лба монстра, разорвал защитную оболочку мага и врезался ему в грудь, мгновенно превратив его в кровавое дымящееся месиво.

Ворох черных щупалец вырвался из груди другого монстра, растянувшись конусом в несколько метров перед ним, и разорвал полдюжины республиканских солдат на куски. Ужаснее всего было то, что они оказались счастливыми, так как щупальца обвили вокруг одного из выживших и потянули его обратно к ожившему кошмару. Запись сферы зафиксировала весь ужас в крике мужчины, когда его втянуло в источник щупалец, и ничего не осталось как свидетельство его гибели, кроме этой записи.

Финальная сцена была всего лишь изображением земли, когда сфера упала после смерти носителя, но все еще продолжила работать на последних искрах маны. Звук все еще доносился:

ужасный, нечеловеческий вой, вырывающийся из множества глоток. Генералы чувствовали в своих сердцах, что это был звук конца, звук отчаяния и проклятия, пришедших поглотить их всех. Это был похоронный звон колоколов для Республики и всего, за что она сражалась, гордо провозглашенный ее врагами.

Звуковой динамик проектора заискрился и зашипел, безуспешно пытаясь воспроизвести звук но, в конце концов, полностью сломался, и из устройства повалил дым.

Когда фильм закончился, ужасная тишина держала комнату в своих объятиях, и только потом она была нарушена единственной молитвой, проговоренной пугливым шепотом:

«Боже, помоги нам всем... Имперцы натравили демонов на Рейн...»

[21 апреля 1925 г. — имперская тыловая база на Рейнском фронте.]

Когда меня направили в Подразделение Y, я была в восторге от мысли, что меня не отправят на передовую. Эта радость померкла, когда я поняла, что моя работа будет заключаться в сдерживании безумцев под моим командованием от уничтожения мира потусторонними кошмарами, доступ к которым подарила им моя безумная теория, но удаленность от линии фронта все еще была утешением, хоть и весьма скудным.

И все же каким-то образом я умудрилась лично побывать на каждом из трех фронтов Великой войны. Никто не стрелял в меня, и я тоже ни в кого не стреляла (хотя я не была настолько большим лицемером, чтобы игнорировать ответственность за то, что я выпустила в мир), но я все еще была абсолютно уверена, что Сущность X – этот самодовольный говнюк, смотрит на мое затруднительное положение и смеется до колик.

Что ж, по крайней мере, с той первой ночи, когда я натравила Неживых и Обратней на Республику, мне не было нужды повторно посещать линию фронта. После того, как первое испытание прошло успешно, я удалилась в более безопасное место вместе с Вишей, получая ежедневные отчеты из замка Шварцштайн и координируя действия с остальной частью имперской машины войны.

Последнее было необходимо, потому что, двадцать суперсолдат, очевидно, не выиграют войну в одиночку. Это было бы нелепо, если только мы создадим солдата уровня Супермена, и даже в этом случае нам все равно нужно было бы продемонстрировать его способности, чтобы заставить врага сдаться от чистой безысходности, а заодно убедиться, что созданный нами божок не пойдет вразнос и погубит нас всех. Суперсолдаты Подразделения Y были почти непобедимы в бою против магов, пехоты и даже танков, но были беззащитны против самолетов и артиллерии. Но в качестве авангарда остальной Имперской Армии, двигаясь синхронно с ВВС и артиллерийским корпусом Империи? Это была уже другая история. За последнюю неделю мы установили определенную рутину: Неживые и Обратни продвигались ночью, чтобы очистить следующую линию обороны Франсуа, затем обычные имперские войска следовали за ними, занимая и укрепляя очищенные траншеи, чтобы удержать их во время дневных боев. Смыть и повторить.

Даже если бы Франсуа решили проявить безжалостность и обстрелять собственные окопы во время наших ночных штурмов, наше продвижение бы только замедлилось. Неживые не могли использовать те же барьерные заклинания, что и обычные воздушные маги, для защиты от артиллерийского обстрела, но могли заблаговременно предупредить Обратней. Самих же Обратней не убило бы ничто, кроме прямого попадания, и они могли оправиться от всех не

смертельных ранений в считанные мгновения (их регенерация была поистине невероятной), так что они были в состоянии быстро покинуть зону бомбардировки. Но было сомнительно, что Франсуа пойдут на такое: в странном, пропитанном кровью мышлении окопной войны не было большего греха, чем умышленный обстрел собственных солдат. Тот факт, что любая траншея Франсуа с Оборотнями в ней была априори потеряна, не имел значения: меня заверили, что артиллеристы-республиканцы все равно воспротивятся подобному приказу.

К сожалению, настоящая война не была похожа на видеоигру, в которой можно было бы бесконечно эксплуатировать глупость искусственного интеллекта, повторяющего одни и те же ошибки снова и снова. Враги Империи были думающими, умными людьми, и они со временем приспособятся к нашим нетрадиционным средствам. Я изо всех сил пыталась рассчитать, как Республика могла бы отреагировать, но я была достаточно начитанной, чтобы понимать, что в тот момент, когда я подумаю, что мы непобедимы, все немедленно полетит к тартарары. Отчаяние заставляет людей рассматривать поступки, которые здравомыслящий и разумный человек не может даже вообразить: факт, четко запечатлевшийся в моем сознании в последние моменты прошлой жизни.

Одной из вещей, которые беспокоили меня больше всего, была реакция на всю эту ситуацию со стороны. В то время как свидетельства выживших дакийцев были отвергнуты или подавлены, а Неживых можно было выдать за элитных магов, использующих неизвестные методы (во всяком случае, пока никто не видел, как они питаются), то невозможно было придумать объяснение чудовищной природы Проекта W, что было иронично, учитывая, что его участники, вероятно, наиболее подходили для интеграции в человеческое общество. Даже с их летальностью, в их рейдах были выжившие, которым удалось сбежать, так что в конце концов высшему командованию республиканцев придется отнестись к сообщениям о монстрах серьезно. Конечно, первые несколько сообщений будут отвергнуты как галлюцинации, вызванные стрессом, но рано или поздно доказательства станут невозможно отрицать.

А потом... что ж. Одно дело, когда Империя использует неизвестные Вундерваффе для победы над своими врагами. И совершенно другое, если она выпускает монстров на поле боя. Да, умереть от когтей или энергетического снаряда Оборотня было не болезненнее смерти от пули или шрапнели (мы не были уверены, по поводу проглоченных щупальцами, но сами оборотни были уверены, что эти бедолаги умирали мгновенно). Однако я почему-то не думала, что среднестатистический гражданин Франсуа, Альбиона или Америки разделит наше мнение (граждане Руси меня не беспокоили, поскольку их мнением не интересовалось даже их собственное правительство). Само существование Вундерваффе само по себе было проблемной темой, когда речь шла о международных отношениях: оно заставляло другие державы беспокоиться о возможной имперской экспансии, и в то же время заставляло их опасаться участия в Великой войне.

Одна-единственная фотография оборотня на первой полосе заслуживающей доверия газеты, и мы вполне можем в конечном итоге ввязаться в войну против большинства цивилизованных стран на планете, поскольку у их правительств будет выбор между объявлением нам войны и перспективой быть свергнутыми своими же паникующими гражданами. Я надеялась, что никто просто не поверит этим гипотетическим фотографиям, но даже в этом случае правительства могут по-прежнему посчитать, что у них нет другого выбора, кроме как объявить войну для подавления Империи, не дожидаясь перспективы ада на Земле, если доказательства все-таки появятся.

Нам нужно было закончить войну до этого, чтобы я могла благополучно замуравать самые опасные Проекты и устроить мирную и комфортную пенсию нашим суперсолдатам (и себе, разумеется). Разрешение Неживым свободно охотиться вместо использования их только

совместно с Оборотнями могло бы сработать (господство в воздухе было неоценимо в современной войне), но было невозможно практически на данный момент. Потому что, как оказалось, даже сверхъестественные ужасы сдерживались логистическими проблемами, что меня странным образом успокаивало.

Текущие методы хранения позволяют хранить кровь только в течение нескольких дней после ее получения. Исследователи, работавшие над Проектом U, разработали магическую формацию, которая позволяла сохранять магическую кровь пригодной для употребления нашими вампирами в течение нескольких недель, и именно поэтому мы смогли задействовать их повсеместно на Северном фронте. Этот метод даже не включал какие-либо знания, связанные с Мифами, просто обычные, разумные магические исследования. К сожалению, использование формации даже на одной бутылке с кровью занимало слишком много времени, чтобы быть полезной медицинскому корпусу Империи, который, уверена, был бы в восторге. Даже в моем старом мире хранение крови было проблемой, которую еще только предстояло решить, все еще требуя постоянных поставок крови для удовлетворения спрос (и это в мирное время: бесчисленные пропагандистские плакаты в городах Империи призывали граждан сдавать кровь для помощи войскам).

Я не верила в карму, за исключением простых истин о том, что действия имеют последствия и что убудочное поведение может привести к тому, что другие люди начнут бить в ответ, но было бы неплохо, если бы Подразделение Y произвело хоть что-то бесспорно ценное для блага всего Человечества.

Но коли уж идея спустить с поводка родичей Виши была неприменима, я провела последние несколько часов, усердно размышляя о том, что еще в арсенале Подразделения Y можно было использовать для приведения войны к быстрому завершению, перекидываясь возможными идеями с Вишей. Наконец-то я нашла что-то полезное, и после нескольких шифрованных телеграмм в Центральный штаб разрешение было получено. Детали плана еще предстояло согласовать с остальной частью Западной армии, но через две недели «Проект V» должен будет прибыть на Рейнский фронт.

И, если повезет, война вскоре закончится.

<http://tl.rulate.ru/book/92767/3168064>